

Имя туркменского поэта, драматурга и публициста Ширали Нурмурадова известно теперь далеко за пределами его независимого государства и даже за пределами того, что недавно еще называлось Советским Союзом. Но известно, увы, не благодаря его несомненному литературному дару. Ширали — одна из последних (последних ли?) жертв тоталитарного режима, традиционно использующего фальсифицированную «судебную» репрессию для расправы с неугодными.

Осужденный по вздорному обвинению в мошенничестве, поэт на самом-то деле пострадал за свои сатирические стихи, весьма болезненно задевавшие лично первого секретаря республиканского ЦК, то бишь президента. Реакция не замедлила. О расправе над поэтом Русский ПЕН-центр незамедлительно сообщил в штаб-квартиру Международного ПЕНа. Правозащитный комитет «Писатели в заключении» обратился с воззванием к «компетентным» органам республики (а тогда еще и Союза), призывая пересмотреть приговор. Шведский ПЕН-центр принял Ширали в свои почетные члены и начал международную кампанию в его защиту. На обращение исполкома Русского ПЕН-центра, адресованное Генеральному прокурору СССР Н. Трубину («ЛГ» от 9 октября 1991 г.), как и на все другие обращения, не последовало никакого ответа.

Словом, демократия у нас как была, так и осталась социалистической. Иной и быть не могла.

Теперь Ширали на свободе. Но возвращаться домой не спешит: знает, что его там ожидает. Друзья и коллеги дали ему убежище в Москве. А что будет дальше — посмотрим.

Аркадий ВАКСБЕРГ

РАНЬШЕ, когда кошмары снились, просыпаясь, говорили: «Слава Богу, это был сон!». Теперь, когда снятся кошмары, жалеешь, что проснулся, кошмары наяву страшнее.

— Гражданин, проснитесь! Вы арестованы! — За что?

Жертва, встретившись с палачом, всегда задает наивные вопросы, чем непременно вызывает у последнего улыбку. Бывает, даже смеет его.

— Значит, по-хорошему не хотите? — Почему же? Я очень даже хочу по-хорошему, но только не могу понять, как можно по-хорошему снимать с пезда ни в чем не повинного человека, едущего через Москву в Ригу на правозащитную конференцию. И вообще, где все мои вещи и с кем имею честь? Предъявите санкции прокурора на арест...

— Вещи в лезушке. Одевайтесь и — вперед. Желательно быстро. И молча.

(Как потом выяснилось, операцией по задержанию особо опасного преступника руководили два подполковника — Емудов и Хандыров, а группа захвата состояла из двенадцати человек плюс трое понятых.)

— Описи изъятых при аресте вещей? — Длинна ровно четыре часа, и аккуррат в полночь я был доставлен в подвал областного управления внутренних дел — в ИВС. Нет, Иосиф Виссарионович здесь ни при чем. Это изолятор временного содержания.

Тут мне посчастливилось еще раз рассмеяться «подземных» «металлистов», обещанных длинными ключами, тем, что заявил о своем решении объявить голодовку.

— Молодец, отлично! — довольно заржал шерватый дубак, пряча в железный сундук в углу мои шурки и ремешь. — Может, и остальных подговорил, а? Все меньше возни... Еще бы от оправки отказались — цены бы вам не было...

Если бы я знал тогда, что это была всего-навсего первая из пятисот пятидесяти бессонных и кошмарных ночей, она бы, вероятно, длилась не так долго и мучительно!

КАЖЕТСЯ, у Лойка Шерали, таджикского поэта, слетевший с дерева осенний лист умолял, чтобы вернули его обратно на ветку. Думал, наивная душа, что ветер с ним играет...

На следующее утро, 2 октября 1990 года, когда Господь был все еще занят своими небесными проблемами, ко мне в полуподвал спустился следователь:

— Вы обвиняетесь в мошенничестве в особо крупных размерах... Будучи знакомы с гражданкой Х., войдя к ней в доверие, вы обманым путем завладели ее деньгами в сумме 65 тысяч рублей...

— Такой большой суммы я никогда в жизни не видел! Даже в руках насиров! — Это я кричу следователю. — Да я бы умер от разрыва сердца, пока такие деньги пересчитывал!

Мы все те же арестанты...

Ширали НУРМУРАДОВ

Лит. Газета, -1992. - 8 июля - с. 13.

А ключи от старых наручников в новых руках

Муж гражданки Х., таксист, обнаружив пропавшую всю сумму, подал на собственную жену в суд. Протокол не было возбуждено уголовное дело за номером 15264.

Дубль второй. Гражданка Х. посылает следователю, что деньги отдала своей знакомой из г. Ташауза, занимающейся наркотиками. Назначается расследование, и... уголовное дело прекращается. Нет доказательств.

Дубль третий. Гражданка Х. заявляет, что деньги в сумме 107 тысяч у нее отняли, угрожая пистолетом, двое сотрудников чарджоуской милиции. Вновь описка.

Дубль четвертый. Гражданка Х. честно (при всем желании изменить это слово не могу) призналась, что деньги и драгоценности у нее забрал зять из Евлаха, обещав вернуть с наваром. Как ни странно, это уголовное дело также прекращается...

Муж настаивает на своем, требуя суда над супругой. Следственный отдел в растерянности. Гражданка Х. теперь вообще молчит. Исчезает из дома, мелькает то в Ташаузе, то в Ашхабаде, то в Евлахе.

И тут... Первый заместитель прокурора Чарджоуской области Эмин Оразов берет в руки меч Александра Македонского и одним махом разрубает злосчастный «гордиев узел».

Пригласив супругов к себе в кабинет, он обращается к мужу: — Хотите вернуть свои деньги и оставить жену на свободе?

Тот очень хотел вернуть свои деньги. И не знал — то ли поблагодарить прокурора (просто поблагодарить, поскольку отблагодарить, видимо, было уже нечем), то ли заплакать от радости.

— Возьмите себя в руки, — между тем продолжал прокурор, — и слушайте внимательно. Пусть ваша жена своей рукой переписит вот это заявление, и уголовное дело в отношении ее будет непременно прекращено. Мы посылим кого надо и как надо, предъявим иск, конфискуем имущество, и, как говорится, «волны будут сыты, и овцы целы». Договорились?

Женщина старательно переписала заявление и — на радость! — забыла поставить под ним свою подпись.

А на меня было заведено уголовное дело по анонимному заявлению!

Тут же, выпроводив несчастных супругов за дверь, счастливый прокурор вернулся к столу и выписал санкцию на мой арест. (Для пущей важности был объявлен еще и розыск.)

И вот — дубль пятый. И, к сожалению, последний.

22 ноября 1990 года, почти через два месяца со дня ареста, начался судебный процесс... нет, не процесс — приговор.

Чарджоуский городской суд под председательством Чары Хамраева никого практически не слушал — ни подсудимого, ни адвокатов, ни свидетелей. Выступала только одна сторона — «потерпевшие» и... все тот же прокурор Оразов.

Результат — 7 лет лагерей. Конфискация имущества. Иск в сумме 65 тысяч рублей.

(В конце приговора была убийственная фраза: «Смягчающим вину подсудимого обстоятельством является болезненное состояние его отца».)

А отец, как я узнал спустя несколько месяцев, скончался еще за неделю до начала суда! По-моему, даже слов «ношуство» здесь звучит мягко!

Чудовищный приговор, к моему великому изумлению, вскоре был отменен. И было назначено новое расследование. Теперь со мной работала уже бригада следователей во главе с тем же Султановым.

И — о, чудо? Какое там — так себе, вебольное...

10 апреля при очередной очной ставке супруги отказываются от всех прежних показаний, заявляя официально, что оклеветать меня их заста-

вил прокурор Оразов, что претензий ко мне нет, что приносит свои извинения...

Итак — свобода? — Да, — говорит подполковник Кандымов из республиканского следственного управления. — Вот сегодня я поеду (полечу?) в Ашхабад, повезу материалы, а завтра тебя выпустят. А сейчас возвращайся в камеру. Полгода с лишним выдержал, — потерпи еще день-два.

«Нет, — говорит Оразов с Султановым. — Как же после всего этого нам выпускать тебя? Мы не хотим сесть на твоё место, у нас свое, хорошее. Мы должны найти хоть что-нибудь, непереносимое».

И нашли — листок бумаги в арестованном дипломате, где моей рукой были написаны имена друзей и родственников, у кого я брал деньги в долг.

Несмотря на то, что ни один из этих близких мне людей не написал никакого заявления, что никто из них не признал ни себя «потерпевшим», ни меня «мошенником», что всем им деньги были возвращены к началу судебного заседания, в июле прошлого года я был осужден! На полтора года. С конфискацией.

«Отбарабанив» назначенное, я был освобожден 1 апреля из 1-й колонии г. Пензы. И с тех пор, выражаясь обывательским языком, «опиваюсь» в Москве — без Родины, без гражданства, без прописки, без работы? без собственного угла. Но и без ненависти к красному режиму, благодаря которому я полтора года не пил водку и за это время написал всего столько, сколько не написал бы на воле за десять, а то и пятнадцать лет!

А ПУТЬ на Родину пока что зарю казан.

Не хочу «сниматься» во второй серии фильма ужасов, где не только щелкают наручники, но и загадочно гибнут лучшие сыны туркменского народа: с четвертого этажа кинотудин замертво падает блестящий прозаик Акмурат Широв, насмерть сбивает машина неворотимого поэта Багба Геокленова...

Именно нас троих весной 1988 го-

да часами допрашивал в своем кабинете тогдашний «третий», то бишь секретарь по идеологии, Худайберды Дурдыев, пуская в ход все виды вооружения политической войны, вплоть до прямых угроз. (Что ж, ваши угрозы, Худайберды Дурдыевич, не оказались пустыми. Дай-то Бог, если вам хоть теперь живется легче!)

Так с чего же началась моя трагедия?

Ни для кого в республике не секрет, что она началась с 21 апреля 1988 года, когда в ашхабадском ресторане «Копетдаг» состоялась первая встреча представителей туркменской интеллигенции, где впервые за все годы Советской власти открыто прозвучали слова: «независимость», «самостоятельность», «национальная кадровая политика», «ротация»...

Затем 15 августа 1989 года было создано неформальное народное движение «Агзыбирлик», членом правления которого и имел и имею честь являться.

Спустя ровно год, 15 августа 1990 года, в конференц-зале Академии наук республики первый секретарь тогдашней комп. а ныне — департи Туркменистана Сапармурат Ниязов публично заявил, что отправит меня за решетку — за мои антикоммунистические, антисоветские, а по сути, антиниязовские стихи.

И впервые за все годы своего правления (с 1985 г.) будущий президент (с 27 октября 1990 г.) сдержал свое слово — спустя полтора месяца «мошеник» был арестован. Вот к тому времени и относится появление на свет заявления гражданки Х., написанного под диктовку прокурора Оразова.

Я уже говорил, что статья, которую меня «наградил», тянула от трех до десяти лет, но туркменское «правосудие», проявив свойственную ему изворотливость, определило мне срок наказания в полтора года. Выходит, «знает собака, чье мясо съела?»

Так где же все-таки зарыта та главная собака, которая всем собакам собака?

Ее надо искать в самой структуре тоталитарного режима, в компонентах

которого входят: вседозволенность и безнаказанность, беспредел и безнаказанность, произвол и безнаказанность, безнаказанность и еще раз безнаказанность.

Но русская пословица гласит: «Как ни заплетай косу девка, а расплетать придется». И ведь приходится! Чаушеску, Наджибулла, Гамсахурдия, Муталибов... Кто следующий?

Горе тому президенту, который уверен в том, что следующий — кто угодно, только не он сам. Тем более когда твоим именем уже называют колхозы, когда Президиум Верховного Совета издает специальный указ об изготовлении и массовой продаже населению твоих портретов, когда тебе вручают первую международную премию имени Махтумкули, учрежденную тобою же, когда маститый писатель, объявленный тобою «почетным гражданином города Ашхабада», без зазрения совести заявляет во всеуслышание, что народ должен носить такого президента не на руках, а на голове!..

Что ж, носите на здоровье... Как говорится, красиво жить не запретишь. Впрочем, некрасиво тоже.

...Страшно не то, что я, всегда желавший отделения республики от Союза, отсидел за это свое желание полтора года. И не то, что сел я в одном месте (СССР), сидел в другом (СНГ), а вышел и вовсе в третьем (СНГ), а теперь вот приходится искать четвертое. Страшно не то, что моя республика, ставшая (урра! Наконец-то!) но, увы, вроде был) независимой, самостоятельной, не избивалась ни от рабских кандалов, ни от арестантских наручников...

Страшно то, что ключи от старых кандалов и новых наручников перешли в более жесткие и жестокие руки. Страшно то, что моему народу освобождают руки лишь для того, чтобы пахал землю, собирал хлопок, добывал газ и нефть, чтобы хлопал пустым речам все новых и новых демагогов, чтобы голосовал единогласно...

Да поможет тебе Аллах, мой покормый и терпеливый туркмен!

